

Химмерландские истории

Йоханнес Йенсен

Золотоискатель

«Public Domain»

Йенсен Й. В.

Золотоискатель / Й. В. Йенсен — «Public Domain»,
— (Химмерландские истории)

В том избранных произведений известного датского писателя, лауреата Нобелевской премии 1944 года Йоханнеса В. Йенсена (1873-1950) входит одно из лучших произведений писателя – исторический роман «Падение короля», в котором дана широкая картина жизни средневековой Дании, звучит протест против войны; автор пытается воплотить в романе мечту о сильном народном характере. В издание включены также рассказы из сборника «Химмерландские истории» – картина быта и нравов датского крестьянства, отдельные мифы – особый философский жанр, созданный писателем.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Йоханнес Йенсен

Золотоискатель

В доме у Андерса Эриксона, деревенского столяра, много лет подряд висела пара удивительных сапог. Не сбитые деревянными гвоздями или сшитые, а отлитые целиком из резины, они были до того длинные, что доходили до самых бедер. Это были сапоги Золотоискателя.

Столяр Андерс их не носил, иной раз его ребятишки надевали их, чтобы побродить по пруду, но и те могли выдержать в них лишь несколько минут. Деревенский лекарь говорил, что ноги в таких сапогах не могут дышать. К тому же сапоги отдавали не то каким-то ядом, не то лекарством, а когда вода прижимала мягкие голенища к ногам, человек начинал отчетливо чувствовать, что ноги у него немеют. Люди относились к этим сапогам весьма почтительно. Заходя в мастерскую столяра Андерса, человек глядел на висевшие на стене сапоги, и в голове у него возникала смутная мысль о далеких неведомых землях, где роют золото, о диких краях, от которых порядочные люди держатся подальше. А иной движимый ниспосланным нам богом любопытством нет-нет да и спросит про Лауста Эриксона, отца столяра Андерса, мол, куда он подевался, есть ли у Андерса вести от него, скоро ли сын получит от отца наследство...

Андерс в ответ каждый раз отрицательно мотал головой. Так Лауст Эриксен был предан забвению. Позабыли и про сапоги, они висели себе под потолком, покореженные, опутанные паутиной.

Столяр Андерс познакомился со своим отцом, «получил» его, как говорили шутники, на двадцать девятом году. До той поры он отца никогда не видел. Мать умерла, когда Андерс был еще мальчонкой, а отец к тому времени уже был в бегах. Когда Андерс ходил в школу, зловредные ребятишки с радостью дразнили его, повторяя, мол, был у тебя отец по имени Лауст, да только он удрал прочь со всех ног, бросив жену, дом и все, что было в доме. Когда же Андерс подрос и с помощью добрых людей обучился ремеслу, у него из благодарности вошло в привычку покорно слушать, как люди из сочувствия к нему поносят его скверного отца, сбежавшего в Америку.

Андерс был парень тихий, беззлобный, из тех, что мухи не обидят – сама благодарность, долговязый и тощий, будто вытянутый в длину, бледный и узкогрудый. В солдаты его не взяли. И теперь он мастерила гробы, словно мстил за себя тайком. Андерс был плодовит, каждый год его женщина, до которой никто другой и дотронуться не хотел, рожала ему по ребенку.

Лауст Эриксен был, можно сказать, типичное дитя своего времени. Сначала был в подмастерьях, потом вступил в долю с хозяином, наконец сам стал хозяином; дела у него шли хорошо, и он почувствовал в себе силу. Но вот в лихой час он соблазнил работницу и привязался к ней. Несчастье никогда не приходит одно. Лауст, можно сказать, полюбил девушку, вернее, принял это развлечение всерьез и решил взять на себя последствие греха, что чванливые люди с достатком ему не простили, ведь им хотелось, чтобы все были такие же грязные, как они. Лауст предпочел чувство, и они просто вышвырнули его из своего круга.

Пришлось ему начинать все сначала; по тем временам для него нашлось место лишь в вересковой пустоши. За сотню сбереженных риксдалеров Лауст купил клочок пустоши, и вот однажды воскресным днем люди увидели, как он с брюхатой невестой прохаживался по своему «имению», будто господин на прогулке. Они выбирали место для дома. К большой досаде обитателей Гробёлле, они выбрали место на пригорке, поросшем вереском, с красивым видом на окрестность, вместо того чтобы спрятаться в какой-нибудь сырой низине, где бедняки, не потерявшие чувства приличия, предпочитают сколачивать свои деревянные лачуги. Всю зиму Лауст собирал камни, бревна из старых срубов и складывал их на пригорке, а весной начал строить. Он вкопал дом в землю, потом сложил из валунов стены и покрыл крышу вереском, получилось что-то вроде землянки. И до чего же плохой у него был вкус – возле своего

дворца он вздумал водрузить флагшток! Он купил его на аукционе и раскрасил белыми и красными спиралями; в тот день, когда молодые поселились в новом доме, на верхушке флагштока посреди пустоши развевался маленький флажок – этого им соседи никогда не могли простить.

Теперь Лаусту и Метте-Кристине предстояло двадцать-тридцать лет обрабатывать надел верескового поля своими руками. Все, на что они могли рассчитывать, – это пара коров да два десятка овец на скотном дворе. Но этого им нужно было дожидаться чуть ли не всю жизнь. А покуда у них в лачуге не было даже кота. Лауст ходил на поденщину в Гробёлле, зарабатывая на хлеб. А в свободное время занимался геркулесовым трудом – вскапывал пустошь лопатой; проку от этого было мало. То, что он не сдавался, раздражало людей, ведь он себя иначе, они были бы не прочь одолжить ему при случае плуг или пару быков. Лауст был упрям, а упрямство не подмогло нищему парню. Зажиточные крестьяне терпеть его не могли, а бедняки ненавидели за то, что он чурается их. Однажды в новогоднюю ночь они сговорились как бы в виде шутки стащить веревками крышу с лачуги новоселов. Лауст вышел из дома и отлупил нескольких шутников. После этого Метте-Кристину прогнали со дворов, куда она ходила за молоком. Но самое худое, что Лаусту мало-помалу в каждом дворе дали понять, что обойдутся без его помощи, коли он такой гордый. Дескать, не умолять же его, чтоб он пришел к ним заработать себе на пропитание. Последним, у кого Лауст мог получить работу, был Томас из Спанггора, да и с тем он однажды поспорил и вовсе лишился заработка. Теперь он остался один, свободный, не зная, какую работу дать своим огромным ручищам.

Тем не менее Лауст, ко всеобщему возмущению, сумел перебиться еще полгода. За ничтожную плату он купил право разрабатывать кусок торфяника на болоте; считалось, что торфяник этот никудышный, но Лауст придумал месить торф и лепить из него кирпичи, оттачивать их, как камни, покуда они не станут ровными. Тяжелая это была работа, но Лауст завязал знакомство в ближайшем торговом городке, стал вывозить туда торф и неплохо заработал. За день работы на торфе платили не более двух марок, а Лауст со своего торфяника выручал более шести. Но человек, у которого Лауст взял в аренду болото, никак не мог этого стерпеть. Он затеял судебный процесс и доказал, что Лауст имел право добывать торф только для своего хозяйства, а не налаживать здесь целую фабрику. Лауст проиграл дело. В ту зиму они сидели голодные в своей лачуге. Люди болтали, что у них от голода ребра трещали. Дыма над домишком, откуда открывался красивый вид, почти что никогда не видали. Раз в две недели или раз в месяц Лауст приходил к лавочнику купить фунт сала. Откуда он брал деньги? Свое изможденное лицо он укутывал большим шарфом. Чтобы заработать одну марку и два скиллинга, он ходил за четыре-пять миль на молотилку. Его видели на ярмарке, где он продавал щетки для чистки трубок, которые никто не желал купить. На пасху появился в округе проезжий мормон¹

¹ Мормоны – религиозная секта, основанная в США в начале XIX в. Дж. Смитом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.